

**ОБРАЗ «ВРЕДИТЕЛЯ» В ГАЗЕТЕ «ПРАВДА»
(ДЕКАБРЬ 1934 – ДЕКАБРЬ 1938 ГОДА)**

Статья посвящена ключевому идеологическому компоненту советской прессы 1930-х гг. – образу «вредителя», через анализ которого рассматриваются агитационно-пропагандистские кампании и изучается взаимовлияние центральных и местных органов печати. Это, в свою очередь, способствует решению базовой проблемы в исследовании – определению роли феномена «вредительства» в общественно-политической жизни СССР. Автор анализирует образ «вредителя» как структурный элемент системы социальной мобилизации в период «большого террора».

Ключевые слова: образ «вредителя», агитационно-пропагандистские кампании, трудовая мотивация.

Борьба с «вредительством» во всех производственных областях стала стержнем общественно-политической жизни в СССР 1930-х гг. Образ «вредителя» в период «большого террора» являлся одной из базовых пропагандистских категорий и соответственно имел значительный потенциал воздействия на массовое сознание в стране. Исследователи только начинают изучать этот феномен, рассматривая его как элемент общественной психологии, а также инструмент воздействия на массовое сознание в различных пропагандистских кампаниях. В большинстве публикаций история проектирования образа «вредителя» проходит как один из сюжетов, зачастую находясь на периферии исследования. Вследствие этого у специалистов не сложилось единого мнения о том, что такое образ «вредителя», недостаточно изучен механизм функционирования этого явления, в том числе неясной остается роль пропагандистских институтов в его формировании.

В исторических работах образ «вредителя» рассматривался преимущественно в контексте изучения открытых судебных процессов. Историей «Больших московских процессов» в ракурсе внутривластного противостояния И. В. Сталина и Л. Д. Троцкого активно занимался В. З. Роговин [1993; 1994; 1996; 1997]. Исследователь справедливо указывал на то, что показательные про-

цессы в период «большого террора» проводились не только в центре, но и на местах с целью усиления версий об «активизации враждебных элементов». Региональные показательные судебные процессы по политическим обвинениям во «вредительстве» исследовались в работах отечественных и зарубежных авторов. В исследованиях западных историков-ревизионистов А. Гетти и Ш. Фицпатрик основной акцент делался на выявление многочисленных фактов произвола местного руководства в процессе организации показательных процессов [Stalinist terror..., 1993]. Для описания данной тенденции в западной советологии стал использоваться термин «революционный характер» «большого террора» [Фицпатрик, 1996; 2008]. Процесс соучастия масс в «судебных спектаклях», по мнению исследователей, мог рассматриваться как самостоятельный фактор в репрессивной политике. В отечественной историографии приоритет отдавался изучению директивной системы в организации показательных процессов, что подтверждало факт наличия четкой системы центрального управления. При этом в исторических исследованиях мало внимания уделялось изучению агитационно-пропагандистских кампаний с использованием образа «вредителя», несмотря на то, что вопрос ведущей роли центральной прессы позволяет определить импульсный идеоло-

гический центр репрессивной политики в период «большого террора».

При анализе ключевого агитационно-пропагандистского источника 1930-х гг. – газеты «Правда», использовался метод контент-анализа, который предполагает выявление частоты появления в тексте определенных смысловых единиц и характеристик. Указанная методика позволяет более детально определить корреляцию идеологических и политических факторов. С учетом выборки было исследовано 1 490 редакционных статей, наиболее полно отражающих содержание номеров газеты «Правда» за период с декабря 1934 по декабрь 1938 г. Период исследования ограничен хронологией «большого террора», так как это способствует более глубокому изучению динамики образа «вредителя» с возможностью анализа адаптационного и рецессионного периодов агитационно-пропагандистских кампаний по борьбе с «вредительством».

В рамках рассматриваемого периода первая агитационно-пропагандистская кампания по борьбе с «вредительством» стартовала в центральной периодической печати с ноября 1935 г. в рамках пропаганды «стахановского движения» (рис. 1). 14–17 ноября 1935 г. в Кремле было созвано Всесоюзное совещание «стахановцев», где было объявлено, что беспощадная борьба с «вредителями» и «сопротивленцами стахановскому движению» становится «важнейшим участком классовой борьбы» (рис. 2). «Враги стараются всячески опорочить стахановское движение, – говорил П. П. Постышев, – и не только опорочить – враги советской власти преследуют стахановцев»¹. Смысл угроз в адрес «вредителей» был раскрыт в выступлении И. В. Сталина, где он провозгласил, что следует пересмотреть действующие технические нормы и заменить их более высокими, которые «проходили бы где-нибудь посередине между нынешними техническими нормами и теми нормами, которых добились Стахановы и Бусыгины»².

Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) 1935 г. потребовал изменить «нормы выработки в сторону их некоторого повышения» и провозгласил переход на «прогрессивную

сдельщину»³. Вслед за этим произошло существенное увеличение плановых заданий на 1936 г. по выпуску основных видов промышленной продукции [Rossum, 1990; Siegelbaum, 1988; Алексеенко, 1998; Журавлёв, Мухин, 2004; Коротаяев, 2001; Маркевич, Соколов, 2005]. Политическое руководство не столько ориентировалось на то, что «стахановское движение» откроет новый «большой скачок» в экономике за счет материального поощрения, сколько акцентировало внимание на конфронтационные элементы в пропаганде, направленные на поиск «вредителей». Анализ редакционных статей газеты «Правда» показывает, что идеологическая кампания, пропагандировавшая привилегии «стахановцев», явилась этапом ужесточения системы трудовой дисциплины и увеличения плановых показателей. Средства массовой пропаганды стремились к тому, чтобы достижения отдельных рабочих-маяков превращались в норму для целых коллективов. При этом экономическая мотивация основывалась не столько на материальном поощрении работников, сколько на страхе быть зачисленным в ряды «вредителей» или «капитулянтов».

Крупная серия конфронтационных агитационно-пропагандистских кампаний с использованием образа «вредителя» – открытые судебные процессы, освещавшиеся в советской прессе. Подготовительным этапом к разворачиванию крупномасштабной агитационно-пропагандистской борьбы с «вредительством» стал «Кемеровский процесс», проведенный 19–22 ноября 1936 г. в Новосибирске [Папков, 1997; Рудин, 1992]. Известная авария на одной из шахт оказалась не только своевременным событием для формирования политического представления в виде открытого судебного процесса с разоблачением «диверсионно-вредительской деятельности троцкистов», но качественным этапом на пути конструирования образа «вредителя», так как вводила в информационное пространство советской прессы формулу «организации диверсий на предприятиях».

Второй открытый московский процесс по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра» ознаменовал начало очередной агитационно-пропагандистской кам-

¹ Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев: Стеногр. отчет. М., 1935. С. 143–144.

² Там же. С. 372–373.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 6. С. 286.

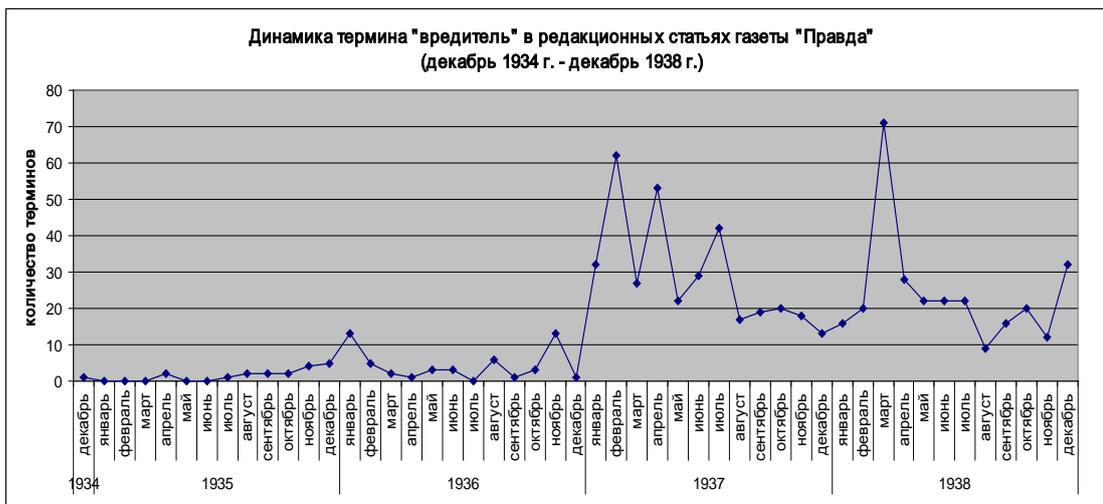

Рис. 1

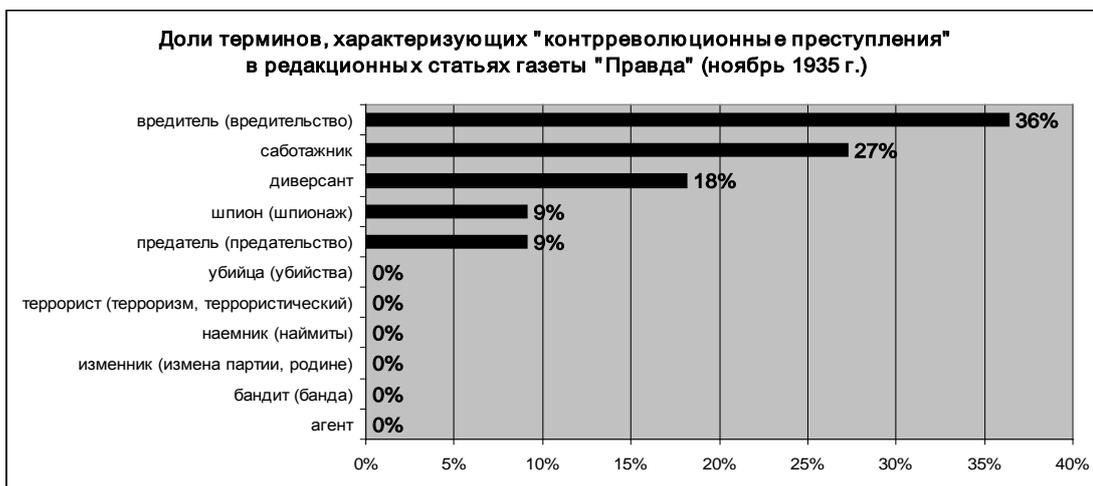

Рис. 2

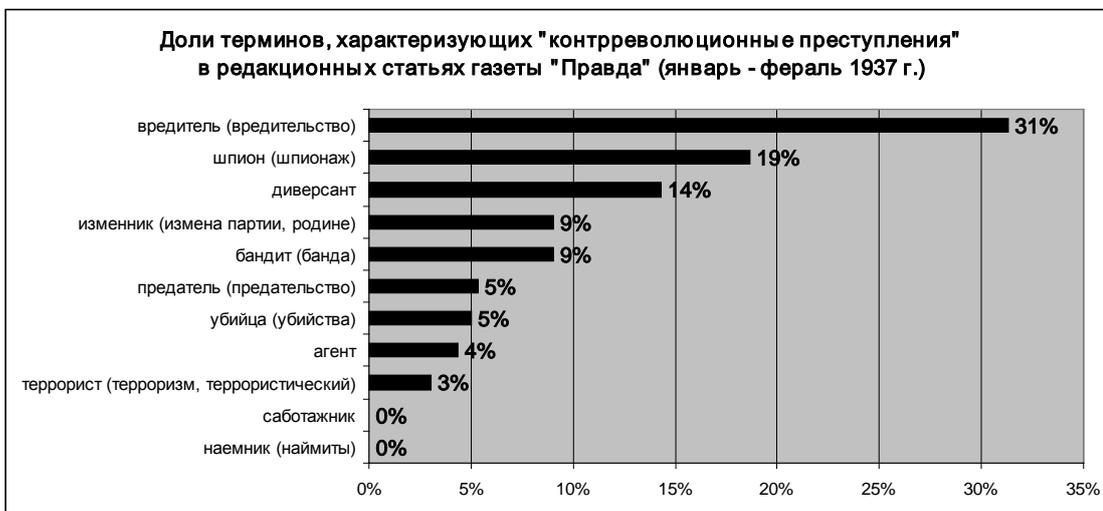

Рис. 3

пании 23–30 января 1937 г. (рис. 3). Подсудимые «признавались» в том, что осуществляли диверсии не только по заданиям лидеров «центра», но и по указаниям германской и японской разведок. Этот тезис был использован 2–13 марта 1938 г., когда проходил процесс по делу «антисоветского правотроцкистского блока». Помимо того, что ставилась задача «связать» бывших лидеров правой оппозиции с участниками «троцкистско-зиновьевского блока» и этим уличить их в «двурушничестве», дополнительной задачей было доказательство вины во «вредительстве» секретарей республиканских партийных организаций.

Агитационно-пропагандистская кампания, сопровождавшая третий открытый московский процесс, была наиболее впечатляющая по своим масштабам, так как в редакционных статьях газеты «Правда» количество упоминаний термина «вредитель» достигло своего апогея (см. рис. 1). Основное значение открытых процессов заключается в объединении двух категорий «врагов» – «вредителей» и «троцкистов». После процесса Прокурор СССР А. Я. Вышинский распорядился пересмотреть все уголовные дела о крупных пожарах, авариях, выпуске недоброкачественной продукции «с целью выявления контрреволюционной подоплеки этих дел и привлечения виновных к более строгой ответственности» [Конквест, 1991. С. 233–234].

Официально курс на всеобщую «бдительность» и борьбу с «вредителями» был возведен в ранг государственной политики на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г.⁴ Ключевое значение для развития образа «вредителя» имел доклад В. М. Молотова «Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов по народным комиссариатам тяжелой промышленности и путей сообщения» (см. рис. 1)⁵. Для характеристики огромных масштабов, которые приобрело «вредительство», В. М. Молотов обильно цитировал показания лиц, возглавлявших

крупнейшие предприятия и стройки, в которых описывался широкий диапазон «вредительских актов»: от задержки проектирования и замедления темпов строительства до порчи механизмов, организации аварий, взрывов, отравления газом рабочих и т. д. Все просчеты, связанные с форсированной индустриализацией, – вплоть до тяжелых бытовых условий рабочих (якобы создаваемых «вредителями» сознательно, с целью вызвать массовое недовольство) и до «очковитирательства» при организации стахановского движения («приписки отдельным рабочим такой работы, которую они фактически не проводили», чтобы «посеять раздор между стахановцами и не стахановцами»⁶), в докладе объяснялись происками «вредителей».

Третьей волной крупномасштабной агитационно-пропагандистской борьбы с «вредительством» в центральной периодической печати стал июль 1937 г. (см. рис. 1). Внимание к проблеме «вредительства» обеспечивали публикации ряда докладов июньского пленума ЦК ВКП(б), состоявшегося 23–29 июня 1937 г. В официальном сообщении о нем значилось, что он утвердил новый избирательный закон – положение о выборах в Верховный Совет СССР и рассмотрел три хозяйственных вопроса: об улучшении семян зерновых культур, о введении правильных севооборотов и о мерах по улучшению работы МТС⁷. Официальная повестка дня камуфлировала основное содержание работы пленума, первым пунктом которого было обсуждение доклада Н. И. Ежова о раскрытии НКВД заговора «вредителей». Н. И. Ежов утверждал, что последние показания, полученные его ведомством, приводят к выводу: размах «вредительства» настолько велик, что страна стоит на пороге гражданской войны, предотвратить которую могут только органы госбезопасности⁸. Следствием такого заявления стал Проект оперативного приказа народного комиссара внутренних дел СССР от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисовет-

⁴ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. в основном были опубликованы в апреле 1937 г., что сказалось на динамике образа «вредителя» в информационном пространстве.

⁵ Доклад был опубликован в газете «Правда» и журнале «Большевик» и затем выпущен отдельным изданием в количестве более полутора миллионов экземпляров.

⁶ Стенограмма февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б) // Вопр. истории. 1993. № 8. С. 6.

⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: 9-е изд. М., 1985. Т. 6. С. 392.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 780. Л. 9, 12.

ских элементов» [Юнге, Биннер, 2003. С. 23].

В историографии прочно укоренился тезис о том, что центральная периодическая печать непременно являлась своеобразным ориентиром для местной прессы в деле нагнетания массового психоза. При этом динамика термина «вредитель» в редакционных статьях газеты «Правда» показывала, что с середины 1937 г. тема «бдительности» теряла свою актуальность (рис. 4), несмотря на то, что по всей стране проходили судебные процессы и митинги с обвинениями во «вредительстве» [Рожнева, 2003]. Летом 1937 г. в газете «Правда» были размещены статьи о нескольких районных показательных процессах [Маннинг, 1999; Павлова, 1998; Фицпатрик, 1996]. При этом нельзя утверждать, что центральная периодическая печать нагнетала чрезвычайную атмосферу «бдительности».

Во второй половине 1937 г. – первой половине 1938 г. акцент в освещении образа «врага народа» был смещен в сторону региональной прессы, в которой активно освещались открытые показательные процессы по делам «вредителей-диверсантов», якобы «орудовавших в промышленности», а также различных «террористических групп». Военный трибунал СибВО провел ряд процессов по ст. 58–8 УК: о подготовке «злодейского убийства» стахановки, кандидата в депутаты Верховного Совета СССР А. Е. Каратаевой; об убийстве секретаря Ново-Ильинского сельсовета, Шегарского района Рожкова; о «вредительской группе» террористов и диверсантов, орудовавшей на шахте «Черная гора» в г. Прокопьевске⁹. Показательные суды прошли над инженерно-техническими работниками промышленных предприятий, в том числе «процесс над контрреволюционной группой саботажников» на Барнаульском Алтметаллзаводе в июне 1937 г.; над «троцкистско-бухаринской шпионо-диверсионной фашистской бандой» на шахте им. Молотова в г. Прокопьевске в декабре 1937 г.; над «контрреволюционной диверсионно-вредительской

⁹ Процесс над троцкистско-бухаринской вредительской группой, орудовавшей в Барабинском районе // Красное знамя. 1937. 3 дек.; Месть классового врага // Красное знамя. 1938. 14 янв.; Судебный процесс над контрреволюционной вредительской группой террористов и диверсантов, орудовавшей в Прокопьевске // Советская Сибирь. 1938. 21 марта.

организацией, орудовавшей на Беловской дистанции пути» в январе 1938 г.; над «вредительской группой» в Сталинске в мае 1938 г.¹⁰ В основном подсудимые обвинялись в создании «вредительских» и «диверсионных групп» с целью «подготовки и проведения аварий», «вывода из строя механизмов», вследствие чего объяснялась тенденция «невыполнения планов».

Особый тип агитационно-пропагандистских кампаний по борьбе с «вредительством» характеризовался массовыми призывами к укреплению трудовой дисциплины. За две последние недели 1938 г. было принято два постановления ЦК, СНК и ВЦСПС, направленных на ограничение трудовых и социальных прав рабочих и служащих. Принятию этих постановлений предшествовала шумная пропагандистская кампания, требующая применения суровых мер по отношению к «летунам», «предельщикам» и «лодырям». С 14 декабря 1938 г. в центральной прессе стали появляться статьи «стахановцев», мастеров, директоров предприятий, повествующие об обилии в стране «вредителей», «лодырей», «прогульщиков» и «летунов» (см. рис. 1). Во многих статьях приводились примеры огромной текучести рабочих, составляющей на некоторых предприятиях 50 и более процентов в год от общей численности¹¹.

Для затруднения перехода с одного предприятия на другое, 20 декабря 1938 г. было принято постановление СНК «О введении трудовых книжек», согласно которому администрация предприятий и учреждений должна была принимать на работу рабочих и служащих только при предъявлении трудовой книжки, где записывались сведения о переходе работника с одного предприятия (учреждения) на другое¹². Двадцать восьмого декабря 1938 г. было

¹⁰ Процесс над троцкистско-бухаринской шпионо-диверсионной фашистской бандой, орудовавшей в Прокопьевске // Советская Сибирь. 1937. 7 дек.; Суд над контрреволюционной, диверсионно-вредительской организацией, орудовавшей на Беловской дистанции пути // Советская Сибирь. 1938. 22, 25 янв.; Троцкистско-бухаринские выродки перед судом народа // Советская Сибирь. 1938. 10 мая.

¹¹ Усилить борьбу с нарушителями трудовой дисциплины – растратчиками народного достояния // Правда. 1938. 22 дек.

¹² Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг.: Сб. док.: В 4 т. М., 1957. Т. 2. С. 544.

Рис. 4

принято постановление СНК, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле». В постановлении указывалось, что для «лодырей», «прогульщиков» и «рвачей, обманывающих государство», увольнение с предприятий за нарушение трудовой дисциплины «не является сколько-нибудь действительным наказанием, так как в большинстве случаев они немедленно устраиваются на работу на других предприятиях». Постановление устанавливало, что за «неприятные меры по укреплению трудовой дисциплины руководители предприятий, учреждений, цехов, отделов должны привлекаться к ответственности, вплоть до снятия с работы и передачи суду»¹³. В данном случае образ «вредителя» выступал структурным элементом борьбы за ужесточение трудовой дисциплины на производстве.

Динамика функционирования образа «вредителя» в центральной периодической печати определялась политической конъюнктурой. Агитационно-пропагандистские кампании имели четко заданную целевую ориентировку и сформированную структуру. В числе наиболее крупных агитационно-пропагандистских мероприятий, ориентированных на «борьбу с вредительством», можно выделить несколько блоков: «стаханов-

ское движение»; открытые судебные процессы; пленумы ЦК ВКП(б) и кампания декабря 1938 г. по ужесточению трудовой дисциплины. В соответствии с этим можно утверждать, что образ «вредителя» использовался не только в качестве дополнительного обвинения в «контрреволюционных преступлениях» в контексте проведения открытых судебных процессов, но и как средство для решения задач социальной мобилизации. Партийное руководство выдвигало перед советскими людьми новые задачи, требовавшие мобилизации трудовых и производственных ресурсов для более эффективного функционирования советской экономики. «Чудо» трансформации отсталой страны в великую индустриальную державу мыслилось осуществить не столько на основе передовых для тех лет науки и техники, сколько на использовании механизма принуждения в советской идеологии.

Список литературы

Алексеев А. Ю. Механизмы трудовой мотивации в советском обществе // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Томск, 1998. Вып. 2. С. 18–22.

Журавлёв С. В., Мухин М. Ю. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004.

Ковалёва Л. А. Принуждение и администрирование в системе тоталитарной власти в 30-е гг. // Тоталитаризм и личность: Тез.

¹³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: 9-е изд. М., 1985. Т. 7. С. 41–43.

докл. междунар. практ. конф. Пермь, 12–14 июля 1994 г. Пермь, 1994. С. 97–99.

Конквест Р. Большой террор. Рига, 1991. Т. 1.

Коротяев В. И. Сталинская модернизация 30-х гг.: проблема стимулов к труду // Политические репрессии в России. XX век: Материалы регион. науч. конф. Сыктывкар, 7–8 декабря 2000 г. Сыктывкар, 2001. С. 40–45.

Маннинг Р. Массовые операции против «кулаков и преступных элементов»: апогей Великой Чистки на Смоленщине // Сталинизм в российской провинции: смоленские архивные документы в прочтении зарубежных и российских историков. Смоленск, 1999. С. 230–254.

Маркевич А. М., Соколов А. К. «Магнитка близ садового кольца»: стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М., 2005.

Павлова И. В. Показательные процессы в российской глубинке в 1937 году // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 98–103.

Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск, 1997.

Роговин В. З. Власть и оппозиции. М., 1993.

Роговин В. З. Сталинский НЕОНЭП. М., 1994.

Роговин В. З. 1937. М., 1996.

Роговин В. З. Партия расстрелянных. М., 1997.

Рожнева Ж. А. Политические судебные процессы в Западной Сибири в 1920–1930-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2003.

Рудин В. Г. Шпионы, шпионы, кругом одни шпионы // Новости Кузбасса. 1992. № 94–97, 99–101.

Фицпатрик Ш. Как мыши кота хоронили. Показательные процессы в сельских районах СССР в 1937 г. // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 387–413.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2008.

Юнге М., Биннер Р. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003.

Rossum L. Western Studies of Soviet Labour during the Thirties // International Review of Social History. XXXV. Cambridge, 1990. P. 433–453.

Siegelbaum L. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941. Cambridge, 1988.

Stalinist Terror. New Perspectives / Eds. J. A. Getty, R. T. Manning. Cambridge Univ. Press, 1993.

Материал поступил в редколлегию 10.09.2008

N. B. Arnautov

THE IMAGE OF A «WRECKER» IN THE «PRAVDA»

The article examines the key ideological component of the Soviet press of the 1930-s – the image of a «wrecker» and the interference of the central and local press organs. It promotes the decision of the main problem in the research – to define the role of a «wrecking» phenomenon in the political life of the USSR. The author analyzes the image of a «wrecker» as the structural element of the system of social mobilisation during the period of the «Great terror».

Keywords: the image of a «wrecker», agitation and propaganda campaigns, labour motivation.